

КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕГО МИРА

О. В. Новикова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
novikovaov@bsu.by

Аннотация. В статье рассматривается феномен коллективизма в жизни городских сообществ древности. Автор обращается к теоретико-методологическим стратегиям универсализма и индивидуализма, применяемым для анализа социальной реальности в социально-философском знании и базирующимся на категориях общего и единичного. Истоки этих стратегий обнаруживаются в установках коллективизма и индивидуализма в общественном бытии: первая утверждает доминанту общества/группы над индивидом, вторая рассматривает ценность личности как приоритетную в отношении коллектива. Автор прослеживает становление коллективизма как установки и жизненной стратегии в городском пространстве древнего мира, акцентируя специфику греческих и римских городов.

Ключевые слова: *коллективизм; универсализм; индивидуализм; город; философская урбанистика.*

COLLECTIVISM AS A LIFE STRATEGY IN THE URBAN SPACE OF THE ANCIENT WORLD

V. U. Novikava

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
novikovaov@bsu.by

Abstract. The article examines the phenomenon of collectivism in the life of urban communities of antiquity. The author turns to the theoretical and methodological strategies of universalism and individualism, used to analyze social reality in socio-philosophical knowledge and based on the categories of the general and the individual. The origins of these strategies are found in the attitudes of collectivism and individualism in social life: the first asserts the dominance of society/group over the individual, the second considers the value of the individual as a priority in relation to the collective. The author traces the formation of collectivism as an attitude and life strategy in the urban space of the ancient world, emphasizing the specifics of Greek and Roman cities.

Keywords: *collectivism; universalism; individualism; city; philosophical urbanism.*

В социальной философии для интерпретации концептуальных представлений о социальной реальности используются стратегии теоретико-методологического универсализма и индивидуализма. Первая отталкивается от категории общего, применяя в рассмотрении социальной реальности принцип холизма: «целое больше суммы своих частей». Вторая исходит из приоритета категории единичного, отстаивая тезис о том, что целое – это совокупность уникальных элементов, каждый из которых привносит в него специфические характеристики.

Эти стратегии могут быть применены для интерпретации не только социальной реальности, то есть, общества в целом, но и для ее отдельных фрагментов, в число которых входит город. Причем использование этих стратегий может осуществляться на двух уровнях: обозначим первый как уровень философско-урбанистического исследования, а второй – как уровень повседневности города, раскрывающийся через историю городской культуры.

На первом уровне речь пойдет о коллективизме и индивидуализме, представленных как жизненные стратегии общества в целом, городских сообществ и человека. Коллективизм предполагает доминанту общества/сообщества над индивидом, значимость которого обусловлена исключительно принадлежностью к этой социальной группе, а в качестве социально одобряемых мотивов действий выступают групповые ценности, претендующие на статус общезначимых. Индивидуализм связан с убеждением на уровне как индивидуального, так и общественного сознания в ценности отдельной личности в совокупности ее интеллектуальных, морально-психологических и социально значимых характеристик; ее частные интересы, мотивы и социальные действия являются определяющими.

Доминанты индивидуализма город не знает как минимум до становления капитализма в период Нового времени. Древний город – восточный и западный – характеризуется коллективистскими установками, в которых роль референта социальной идентичности городского жителя далеко не всегда принадлежала городу. Сам феномен городской общины – явление отнюдь не повсеместное: оно возникает на Западе и в некоторых регионах Передней Азии. Китайский горожанин принадлежит в первую очередь роду (а через него – деревне, из которой род происходит), индийский – своей варне, т.е. социальная идентификация обусловлена происхождением человека. Соответственно, ценности горожанина древнего мира – это изначально ценности рода, касты – и, в случае ряда греческих городов, – города как сообщества. М. Вебер указывает, что для возникновения городской общины необходимо было, чтобы поселение не только имело

достаточно выраженную торгово-ремесленную направленность, но и обладало наличием «1) укрепления; 2) рынка; 3) своего суда и хотя бы какого-то собственного права; 4) корпоративности и связанной с ней 5) хотя бы некоторой автономии и автокефалии, то есть управления посредством учреждений, в создании которых так или иначе участвовали горожане» [1, с. 34-35]. Такие права влекли за собой обоснование определенных сословных привилегий для группы горожан, из которой в итоге вырастет то, что впоследствии будет названо бюргерским сословием.

Формирование идентичности горожанина в античном мире так же определяется коллективистскими установками. Аристотель указывает, что для полиса характерна ориентация на слияние общественного и частного, социального, культурного, экономического, политического и иных начал. Выделяя правильные и неправильные формы устройства полиса, он подчеркивает, что если для неправильных форм характерно преследование правящими кругами личных интересов, то для правильных – общее благо.

Телет в диатрибе «Об апатии» рассказывает о спартанке, потерявшей сына на поле брани: один вопрос задала она: «Как он сражался?» – и узнав, что пал он как отважный воин, воскликнула: «Как славно, дитя. Ради того я тебя и родила, чтобы ты был полезным и храбрым защитником своей родной Спарты» [2, с. 200]. Геродот рассказывает историю спартанского царя Аристодема: «самым доблестным из всех бойцов, по нашему мнению, безусловно был тот Аристодем, который только один из 300 воинов спасся при Фермопилах и за это подвергся позору и бесчестию» [3, с. 422]; желая смыть пятно бесчестия, Аристодем совершил ряд подвигов и погиб при Платеях, однако подвиги его для спартанцев ценности не имели, поскольку он искал смерти из-за чувства вины, то есть по личным причинам – даже если в их основе лежала необходимость следовать долгу перед городом.

Основа социокультурной идентичности римлян лежала в римском гражданстве, которое обеспечивало определенные привилегии и права, такие как участие в политической жизни и право на судебную защиту. Городские общины – муниципии – были организованы на основе римского права и имели собственные законы, суды и правительство. Коллективистские ценности при этом рассматривались, как и у греков, как основополагающие, однако на практике коллективизм мог оставаться чистой декларацией. Историк М. Бирд, цитируя Полибия: «римское государство воспитывает граждан, которые готовы вынести все, лишь бы пользоваться в отечестве славою доблестных мужей», – пишет, что это «взгляд сквозь розовые очки: на самом деле необузданная конкурентная борьба больше разрушала, чем поддерживала Республику» [4, с. 226].

Можно ли рассматривать несоответствие коллективистской установки поступкам государственных частных лиц, преследующих свои интересы, в античном мире, как возникновение индивидуалистической стратегии? Все же нет: для того, чтобы зарождение индивидуализма стало возможным, были необходимы и развитая идея личности, и определенный уровень экономической свободы горожан, и ряд других факторов, становление которых придется на эпоху средневековья.

Библиографические ссылки

1. Вебер, М. Город / Пер. с нем.; 2-е изд. – М.: Strelka Press, 2018. – 252 с.
2. Телет. Диатрибы // Антология кинизма. – М., Изд-во «Наука», 1984. – 400 с.
3. Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест; 2004. – 438 с.
4. Бирд, М. SPQR: История Древнего Рима / Пер. с англ. 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 696 с.